

Олег Фурсин

Ормус. Начало Мистерии

Олег Фурсин

Ормус. Начало Мистерии

«Автор»

2026

Фурсин О. П.

Ормус. Начало Мистерии / О. П. Фурсин — «Автор», 2026

Его имя пришло из глубины веков. Из зороастрийской мысли и гностических текстов, где это слово является синонимом понятия Света. В масонской традиции Ормус был египетским мистиком, гностическим последователем из Александрии, где, как считается, он жил в первые годы христианской эры. Обращенный как будто бы в 46 году в христианство вместе с шестью своими товарищами святым Марком, учеником Иисуса, он стал родоначальником новой секты, где смешивались принципы зарождающегося христианства и более древних верований. Один из символов, которым обозначалось это имя, содержит прописную букву «М», которая как бы окружает другие буквы – астрологический символ Девы. Девы, обозначающей Богоматерь на языке средневековой иконографии! Сионская Община, первый масонский орден, известный в истории, носил и второе название, априори удивительное, если допустить, что Ормус Египетский – реальное историческое лицо. Ведь это означало бы намек на стояние Ормуса у истоков христианства и масонской традиции.

© Фурсин О. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1. Выбор Жреца.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Олег Фурсин

Ормус. Начало Мистерии

Предисловие.

Его имя пришло из глубины веков. Из зороастрийской мысли и гностических текстов, где это слово является синонимом понятия Света. В масонской традиции Ормус был египетским мистиком, гностическим последователем из Александрии, где, как считается, он жил в первые годы христианской эры. Обращенный как будто бы в 46 году в христианство вместе с шестью своими товарищами святым Марком, учеником Иисуса, он стал родоначальником новой секты, где смешивались принципы зарождающегося христианства и более древних верований. Один из символов, которым обозначалось это имя, содержит прописную букву «М», которая как бы окружает другие буквы – астрологический символ Девы. Девы, обозначающей Богородицу на языке средневековой иконографии! Сионская Община, первый масонский орден, известный в истории, носил и второе название, априори удивительное, если допустить, что Ормус Египетский – реальное историческое лицо. Ведь это означало бы намек на стояние Ормуса у истоков христианства и масонской традиции.

Это ещё одна наша попытка воссоздать образ исторической личности, о которой известно так мало. Проверить вышеперечисленные утверждения невозможно. Равно так же невозможно уличить нас во вранье: литературный герой имеет право отличаться от своего прототипа именно на ту величину, какая угодна автору. Единственное, во что мы просим поверить читателя: мы пристально изучали эпоху и исторические реалии того времени. Каждое наше предположение о личности Ормуса проверено логикой и привязано к местности и времени.

Он Ур Маа, великий провидец, он Сену, то есть врач, и он же Ур Хеку – обладатель священных сил Он – египетский жрец, и его зовут Ормус. Он прошел школу просвещения в древнем Иуну Египта, а теперь жрец, мистификатор, умница и герой, увы, по совместительству ещё и – убийца и палач. Перед Вами начало Легенды.

Глава 1. Выбор Жреца.

Глава 1.

Он родился и провёл своё пусть нищее, но довольно безоблачное детство на берегу Чермного[1] моря, в небольшой рыбацкой деревушке. От стовратных Фив, а значит – от Нила, храмов и статуй, от Долины Царей с её гробницами отделяло его целое море песков пустыни, к тому же собственное происхождение, и бедность. Да мало ли было ещё причин, по которым никогда, никогда он не стал бы членом тайной коллегии жрецов, не узнал бы запаха тления в тесных гробницах, не участвовал бы в мрачных мистериях, разыгрывающихся в тёмных подземельях! Скорее не было причины для того, чтобы стать тем, кем он стал.

Кристально чистая вода его моря, всегда теплая, всегда ласковая, прозрачная. Мириады рыб, подплывающих к берегам, к коралловым рифам. Звёздное небо над головой, тихий плеск не знающей серьезных бурь воды. И – солнце, солнце круглый год, бесконечное тепло солнечного света. Не было ли это самым счастливым временем в его жизни, – часто спрашивал себя Ормус позднее, когда всё безвозвратно ушло в прошлое.

Случайности – какое место занимают они в нашей жизни?

Каким из ветров занесло в эту деревушку верховного жреца Амона, служителя Бога – творца мира, покровителя Великих Фив? Почему он избрал для морских омовений это забытое грозными богами страны место на краю света? Херихор мог бы предаваться трансу, встречая восходящее Солнце и провожая заходящее, на любом берегу Египта. Ему не было дела до мальчишек, ныряющих с разбега в море. Их вообще не должно было быть в поле его зрения, жители деревни были строго предупреждены о том, что не следует смущать покой высокого и страшного, недостижимого их пониманию гостя.

Но они как-то всё-таки там оказались. И сосредоточенный взгляд верховного жреца пал на маленького Ормуса, бывшего предводителем стайки чумазных полуголых мальчишек. И значит, было нечто в нём, Ормусе, такое, что не позволило жрецу отвести взгляд сразу и безразлично в сторону, или проникнуться гневом на того, кто нарушил его покой. Ормус отчетливо помнил мгновения этой встречи всю последующую жизнь.

Вот он летит с разбега в море, что-то громко кричит на ходу. Ныряет, плывёт под водой долго, пока хватает воздуха в лёгких. Вынырнул, смеясь, развернулся к берегу, хочет позвать друзей. Но видит их маленькие фигурки, бегущие в сторону деревни со всей доступной скоростью. А на берегу – высокий человек в белых одеяниях жреца, с выбритой наголо головой. И за ним – ещё люди, и кто-то из них грозит ему палкой, кто-то руками, жестами приказывает выбираться на берег. Никто не нарушает молчания в присутствии этой бесстрастной живой статуи, но жесты весьма красноречивы. И перепуганный Ормус торопится вылезти из воды.

– Остановись! – раздался вдруг голос жреца, когда мальчик уже миновал с низко опущенной головой эту величественную тень.

Ормус застыл, не смея поднять глаз.

– Разве ты не знаешь, что я приказал не пускать на этот берег никого из вашего поселения, чтобы ничто не мешало мне в эти дни? Ты грязен, криклив, глуп, ты осквернил и берег, и воду своим присутствием. По какой причине, не скажешь ли, я должен простить тебе это и отпустить тебя?

Как бы ни был напуган, а скорее – смущён своим проступком Ормус, но в его короткой к тому времени и чистой жизни ещё не было больших страхов. Он привык к рассветам и закатам, щедрости моря и солнца, не знал иных людей, кроме жителей деревушки, а они, дети этой природы, не были злы. Самым большим наказанием в его жизни были шлепки отца, и хотя его пугали смертью за нарушение покоя высокого гостя, но что есть смерть для мальчишки в его годы? Её просто не существует в его маленьком сознании, вот и всё. И потому он поднял

голову, и улыбнулся навстречу этому жгучему взору. Пусть все вокруг трепетали под взглядом жреца, но для него, Ормуса, он был сейчас еще одним, вроде отца, строгим наставником, не желающим на самом деле зла.

– Потому что я всегда купался здесь, когда не было господина, и вода с песком всё равно уже грязные, ничего!

Лёгкая улыбка тронула губы жреца на мгновение, да тут же пропала.

– Хорошо, иди. Ты прощён. Но, может быть, я пришлю за тобой, если надумаю.

Он умчался как ветер, к дому, к своей не слишком ласковой, обремененной детьми, но любимой матери, к спокойному отцу. А дней через десять, на рассвете, за ним пришли. Громко плакала мать, ей вторили перепуганные насмерть сёстры и младший брат, отец скрипел зубами, пытался упрощать посланных, хватая их за руки, простираясь ниц, но тщётно. Его, Ормуса, носившего тогда теперь полузабытое им и не употребляемое никем имя, полусонного, ничего не понимающего, уже вытащили за порог, на который бросили несколько монет... Детство закончилось. Он был обязан этим своему бесстрашному ответу на берегу и обаятельной улыбке. Да ещё всецельной воле верховного жреца, который рассуждал приблизительно таким образом: "Мальчишка неглуп, смел... пожалуй, даже красив по-своему... Если получится, приобщим со временем к делу, если выживет, конечно, а нет – то воля Атона. Иногда необходимо менять текущую в наших жилах кровь на новую, разве не случалось мне наблюдать, как слияние кровей меняет в лучшую сторону людей и животных? Впрочем, до этого далеко, а пока... начнет в Долине Царей свое служение. Выживет – позабочусь о нём и дальше."

Так Ормус попал в город мертвых, у подножия священных Фиванских гор, за которыми садится солнце, в царство Осириса, царя загробного мира. Выжженное солнцем пустыни место – обитель вечного покоя. Долина Царей и Долина Цариц. Длинные коридоры в известняковой скале, круто уходящие вниз, на глубину. Потолки в коридорах, опускающиеся прямо на голову, низкие, давящие, могущие осыпаться в любую минуту, отрезав путь к солнцу, к животворящему теплу. Секретные падающие двери, замаскированные земляными холмами и насыпями входы и выходы. И вокруг – невыносимый запах тления человеческих тел в совокупности с ароматами благовоний – ладана и мирры, ароматических жидкостей – пальмового вина, например, называемого "урб" – как он ненавидел этот сладкий, приторный запах! Темнота, и запах, пронизывающий насквозь тело, пропитывающий его до самого сердца.

Его учили бесшумно продвигаться в темноте. Видеть в темноте, сливаться с ней и со стенами гробниц. Чувствовать на расстоянии тепло человеческого тела, ощущать запах страха, исходящего от него. Учили метать нож в спину грабителя, осмелившегося нарушить покой обитателей гробниц. Вся его жизнь состояла теперь из страха – своего и чужого. Немало было охотников на царские сокровища гробниц. А он был охотником на этих охотников.

Поначалу он страстно мечтал о море. Потом уже нет, главным стало солнце. Солнце, согревающее тело и душу, наполняющее всё светом, радостью. Он почти не видел его, днём приходилось спать, а вечерами и ночью заниматься ремеслом убийцы, в паре с ночными ремесленниками грабежа. Убивать он научился в совершенстве, и страха перед убийством не испытывал. Куда ужаснее было ощущение собственного страха перед погружением в тесноту и мрак гробниц, в этот тлетворный мир, где царила смерть.

Страх однажды пришел к нему в наглухо замурованной пещере детства, и навечно остался с ним таким – маленький человек на двух, но козых ножках, весь покрытый слизью, пахнущий тлением, с непропорционально большой головой, настоящий обитатель гробниц. Почему-то когти на руках его, а кисти рук не соединены с предплечьями, и живут где-то рядом, сами по себе, и хаотичны их движения, и возможность протянуть эту летающую кисть как угодно далеко, до твоего незащитного горла, например, – они ужасны... Видение приходило к нему день за днём, человек показывал пальцем на саркофаг и мерзко, гадко смеялся – словно блеял. Ормус видел его наяву в темноте упрятанных от солнца гробниц, порой чело-

вечек мелькал за тёмным углом и посреди белого дня. К тому времени ещё не произошло их слияния, Ормуса и его видения страха. Это случилось позже.

Верховный жрец не забыл мальчишку – он любил творить новое, лепить судьбы и обстоятельства. Это, в определенном смысле, было содержанием его деятельности, её главной составляющей. В возрасте двадцати лет Ормус был отозван Херихором в Фивы, в храм Амона. Началась новая жизнь, и снова его натаскивали, обучали, не давая передышки. Он овладел искусством транса – к удовольствию Херихора, теперь не выпускающего его из виду, он делал немалые успехи. Сам Ормус не удивлялся своим способностям – это было следствием воспитания, пройденного в гробницах Долины Царей. Если умеешь чувствовать человека так, словно им стал, и это уже не ты, и уже не он, а нечто общее, одно, то не так уж это трудно – посылать приказы себе самому. А подчинится приказу тот в тебе, кто из общего составляющего слабей, ничтожней. И это, конечно, не ты сам, обученный сопротивлению, тренированный, ты, стоящий на более высокой ступени. Вряд ли это объяснение подошло бы в качестве обучающего сетеп-са, но так понимал это Ормус.

В двадцать пять лет его уже признали мастером сетеп-са – гипнотического внушения. Он творил чудеса, лепил из людей, как из глины, всё, что хотел. Его начинали бояться. Неискушенный доселе ум при наличии достаточно тренированного тела и мощного сознания – вот чем он был в тот период жизни. Но состарившемуся Херихору и этого было мало. Слишком он был доволен своей проницательностью, позволившей вырвать эту драгоценность, эту восходящую звезду жреческой касты из нищего, полуголодного, наивного существования. Он гордился им, своим созданием. И старался сделать из него совершенство. Именно поэтому он преодолел все преграды, стоявшие перед Ормусом как перед выходцем из чуждой среды. Он дал ему знание, превышающее собственное. И тайны движения звезд, и тайны человеческого тела, и врачевание этого тела, и все стороны религии Египта, такой разнообразной, со всеми её обрядами – ничто не было сокрыто от ученика. Когда собственных знаний стало мало, он отправил Ормуса в Мен-нофр[2], потом в Александрию.

За эти годы Ормус окончательно забыл лица родителей, братьев и сестёр. Смутно вспоминались ночные звёзды, огромные, блестящие, так низко висящие на небосводе в этой части света. Запах жареной на костре рыбы. Вкус солёной морской воды. Утреннее солнце, встающее из-за моря, багряно-алое, предвещающее тёплый, радостный день с его простыми трудами.

Блиzkих людей он не имел – к чему они тому, кто служит богам? Им не было места в той жизни, которую он вел. Херихор? Он и сам не знал, благодарен ли жрецу за всё, что тот дал, или ненавидит его за то, что он отнял. Женщины? Да, они были. Рабыни, готовые на всё, ненавидящие его и не уважаемые им. И трепещущие перед ним – а что может дать в любви женщина, если она боится? Расставить ноги, не больше, да терпеть, пока он дергается, вырабатывая семя в недрах тела. Он понимал, что это необходимо молодому мужскому телу, чтобы оно не болело. Да и разуму тоже, чтобы не уподобляться в какой-нибудь важный момент животному, бросающему всё и бегущему на запах текущей самки, а сохранять достоинство, как подобает жрецу, да и просто мужчине.

Но любовь у него всё же была – страстная, болезненно нетерпимая, всепоглощающая. И это была любовь к женщине – правда, к той, что уже жила до него, тысячелетия назад. Ему было двадцать, когда они встретились. До вызова в Фивы оставалось всего два-три месяца.

Всё та же Долина царей стала местом их встречи. Он тогда охотился чуть ли не каждый день. Оттачивал умение, уже ставшее привычным, вошедшее в кровь. В открытом бою на мечах, допустим, такое искусство было бы бесполезным. Что пользы в открытом бою от умения подкрадываться, ползти бесшумно по коридорам, ориентироваться в темноте, метать нож на большие расстояния – на запах страха, исходящий от невидимого тела, на малейший шорох. В открытом бою всё решает собственная сила. В том, чем занимался Ормус, было нечто от ночи, в отличие от честного и открытого дневного боя. Змеиная ловкость, хитрость, внезапность

нападения – вот как приходилось вести бой. Но, справедливости ради... Кто были его жертвы? Расхитители гробниц, отнимающие у мёртвых их достояние.

Символом славы и символом веры Египта были гробницы, начиная с пирамид и кончая скромными захоронениями. Человеческие души вели себя после смерти по-разному: "ба" возносилась на небо, к солнцу, "ка" оставалась с телом, от степени сохранности её и тела зависели благополучие покойного в загробном мире и возможность возрождения в другом теле. Поэтому для "ка" старались создать все условия. В гробницу помещались статуэтки рабов, для прислуживания умершему в царстве Осириса. Чтобы согрешившему фараону, вельможе, жрецу не пришлось отрабатывать свои грехи, а сразу попасть в поля блаженных – поля Иалу, – ему в спутники оставляли деревянные статуэтки-ушебти – "ответчики". Ушебти должны были переносить за господина тяжести загробной жизни. Сопровождали умершего в загробную жизнь и любимые им вещи. В частности, драгоценные изделия из золота, серебра, камней. Домашняя утварь, припасы, одеяния – всё складывалось в комнатах, призванных служить домом после смерти, где мёртвые замыкались навеки от посягательства людей и времени.

Во все времена существуют люди, которые готовы на всё ради наживы. И религиозные предписания для них – ничто, и законы совести. Именно эти, ночные по преимуществу и живые обитатели гробниц были объектом охоты Ормуса.

Он нашел её, свою Женщину, в маленькой гробнице – пирамиде. Пирамида была действительно маленькой, доведенной до размеров небольшого обелиска. На довольно значительном расстоянии от неё, обходя свою территорию, он увидел частично обваленный вход, и было очевидно, что обвал произошёл не сам по себе. Следы ударов по извёстке, покрытой слоем песка, сказали ему многое. Как искусный охотник, почувствовавший жертву, он стал исследовать пространство вокруг гробницы, двигаясь по спирали вокруг, всё дальше от неё. Инстинкт не обманул его. Он нашёл ещё одну вскрытую гробницу, но вход был ложным, заканчивался глухой стеной. Грабители поняли это и ушли. Тем не менее, это означало, что охота началась и продолжается. Азарт завладел Ормусом.

Он вернулся к повреждённому грабителями входу, молясь всем богам Египта, чтобы гробница была ещё не разграблена, и гнев богов в его, стража, лице, настиг осквернителей. Не разрушая кладку, как можно осторожнее, достав несколько уже расшатанных и прежде вынимавшихся грабителями камней, он проник в гробницу. Он не ощущал человеческого присутствия вокруг, это его тренированное сознание подсказало сразу. Гробница была пуста, во всяком случае, от живых людей, и если они не успели свершить то, за чем приходили, следовало подготовиться к приёму незваных гостей.

Вначале рукав коридора, куда он попал, шёл достаточно круто вниз. Идти по нему было трудно, приходилось сгибаться вдвое. Мешала духота, казалось, что спертый воздух гробницы особенно сгустился в рукаве, затрудняя и без того учащенное дыхание. Место окончания идущего вниз коридора, переходящего в верхний, небольшая площадка, где он передохнул несколько мгновений, показалось ему подозрительным. Очевидно было, что под его телом не относительно гладкий известняк, в котором продолбили коридор, а нечто возвышающееся, искусственное – не замурованное ли отверстие? Это могла быть шахта, ведущая к саркофагу. Ормус стал старательно исследовать пальцами поверхность площадки, ища зазоры. Длинные, чуткие пальцы его вскоре наткнулись на небольшую трещину. Он вынул свой нож, вставил его в обнаруженный зазор, надавил. Массивный каменный монолит, снаружи покрытый слоем извести, приподнялся. Он с трудом поднял его и отвалил в сторону. Даже его зрения не хватало для того, чтобы увидеть, что находится внизу, но осязание подсказывало ему, что под ним – глубокий ход. Пришлось поджечь небольшой факел. Шахта ещё не была полностью открыта, на дне её всё ещё был песок. Это успокаивало – значит, никто до помещения пока не добрался.

Потом пришлось ползти вверх, под довольно большим углом. Этот, ведущий вверх рукав, показался ему ещё длиннее, поскольку физические усилия в этой тесноте при нехватке воздуха

были тяжелы. На противоположных стенах верхнего коридора, как оказалось, тоже было два выступающих, неровных места. Были ли это ещё комнаты? Вероятно, но какие? И где скрывался саркофаг? На эти вопросы пока не было ответа. Но обычно саркофаг помещался в самую нижнюю часть гробницы, погребальную камеру, вход в неё шёл через вертикальную глубокую шахту, которая соединяла камеру с остальными помещениями гробницы. Шахту засыпали после помещения в неё саркофага и закрывали проход в погребальную камеру каменной кладкой.

Идущий вверх рукав коридора привел его в помещение, которое, судя по всему, было залом для совершения заупокойных ритуалов, чем-то вроде молельни. Насыпь из песка у одной из стен, почти закрывшая последнюю, её натаскали сюда грабители. Ормус вздрогнул, и тень его страха вновь явилась перед ним. Запах благовоний, запах бальзамировки, запах смерти исходил от песка. В эту минуту он ощутил трепет собственного тела, сердце забилося быстрее, он услышал блеянье, и ощутил когти на своей шее, и стал задыхаться...

[1] Чермное, или Красное море (Исх 10:19, 13:18, 23:31, Чис 14:25, 33:10-11, Вт 1:40, 2:1, 11:4, Нав 2:10, 4:23, 24:6, Суд 11:16, 3Цар 9:26, Неем 9:9, Иудиф. 5:13, Пс 105:7,9, 135:13-15, Прем. Солом. 10:18-19, Деян 7:36, Евр 11:29) - длинный узкий залив Индейского моря, отделяющий Аравию от Египта и Азию от Африки. Идущий от Аравийского Адена чрез пролив Бабельмандебский на северо-запад до Синайского полуострова и здесь на южной конечности полуострова разделяющийся на два рукава: один простирающийся на северо-восток до Акабы, другой на северо-запад до Суэца.

[2] Мемфис (греч. M;mphis, егип. Мен-нофр - от названия припирамидного поселения фараона Пиопи I. Первоначальное название "Белые стены" - от названия крепости, подле которой был основан древнеегипетский город. Основан в начале 3-го тыс. до н. э. на границе Верхнего и Нижнего Египта, на левом берегу Нила (близ современных поселков Бедрахейн и Мит-Рахине к Ю.-З. от Каира). Мемфис был крупным религиозным, политическим, культурным и ремесленным центром Египта, столицей Древнего царства (28-23 вв. до н. э.). В период эллинизма, с возникновением Александрии (основана в 332-331 до н. э.), потерял прежнее значение. Сохранились остатки храма бога Пта (3-е тыс. до н. э.), сфинкс времени Нового царства и два колосса Рамсеса II (конец 14 - середина 13 вв. до н. э.), Серапеум. Некрополи Мемфиса с пирамидами и гробницами царей и знати находятся близ современных Газы, Саккары, Абу-сира, Дашура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.